

ИЗЪ ХРОНИКИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Исторія съ профессоромъ Маловымъ¹⁾.

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis.

Въ исторіи Московскаго Университета 30-хъ годовъ очень характернымъ и интереснымъ является эпизодъ, извѣстный подъ именемъ „Маловской исторіи“, изложенный въ печати Герценомъ въ его „Былое и Думы“. Она разсказана также Я. И. Костенецкимъ въ его Воспоминаніяхъ („Р. Архивъ“ 1887, в. 2—3). Печальнымъ героемъ этой исторіи былъ экстраординарный профессоръ этно-политическаго отдѣленія, Михаилъ Яковлевичъ Маловъ. Постоянная грубость Малова въ обращеніи со своими слушателями вывела ихъ изъ терпѣнія и привела къ рѣшенію выгнать его изъ аудиторіи.

„Сговорившись, читаемъ у Герцена²⁾, они прислали въ наше отдѣленіе³⁾ двухъ парламентаровъ, приглашая меня придти съ вспомогательнымъ войскомъ. Я тотчасъ объявилъ кличъ идти войной на Малова, нѣсколько человекъ пошло со мной; когда мы пришли въ политическую аудиторію, Маловъ былъ на лицо и видѣлъ насъ. У всѣхъ студентовъ на лицахъ былъ написанъ одинъ страхъ: ну-ка онъ въ этотъ день не сдѣлаетъ никакого грубаго замѣчанія. Страхъ этотъ скоро прошелъ. Черезъ край полная аудиторія была непокойна и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе, началось шарканье. „Вы выражаете ваши мысли, какъ лошади, ногами“, замѣтилъ Маловъ, воображавшій вѣроятно, что лошади думаютъ галопомъ и рысью, и буря поднялась: свистъ, шиканье, крикъ „вонъ его, вонъ его, repeat!“ Маловъ, блѣдный какъ полотно, сдѣлалъ отчаянное усиліе овладѣть шумомъ и не могъ; студенты вскочили на лавки. Маловъ тихо сошелъ съ кафедры и съжившись сталъ пробираться къ дверямъ; аудиторія за нимъ, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслѣдъ за нимъ его калоши“.

Вполнѣ понятно, что это небывалое въ лѣтописяхъ Университета происшествіе должно было привести Совѣтъ и университетское начальство въ полнѣйшее недоумѣніе и замѣшательство. Чтò было дѣлать и какой дать обо-

¹⁾ Надворный совѣтникъ М. Я. Маловъ род. 1790, ум. 1849 г. Напомнимъ читателю, что его исторія въ Университетѣ произошла въ самый разгаръ Польскаго мятежа и въ тревожное время первой холеры. П. Б.

²⁾ „Былое и Думы“, изд. 1861 года, стр. 149—150.

³⁾ Герценъ былъ на физико-математическомъ отдѣленіи

ротъ всей этой исторіи? То было тяжелое время Московскаго Университета: на него недружелюбно смотрѣлъ императоръ Николай Павловичъ, полагавшій, что въ немъ коренятся вредныя либеральныя начала. Источника тревожнаго состоянія общественной мысли, приведшей къ Декабрьскимъ событіямъ 1825 г., искали тогда въ Университетѣ, въ его наукѣ, преподаваніи, и необходимымъ слѣдствіемъ такого взгляда были преувеличенныя полицейскія попытки измѣнить полицейскимъ порядкомъ направленіе умственной жизни. Предубѣжденіе Государя противъ Московскаго Университета еще болѣе усилила исторія съ Полежаевымъ, въ которомъ онъ усмотрѣлъ образчикъ университетскаго воспитанія, студенческой распущенности и развращенности.

1825-мъ годомъ оканчивался „патріархальный періодъ“ Московскаго Университета: на мѣсто „фрачнаго попечителя“ округа (князя А. П. Оболенскаго) былъ назначенъ генералъ-маіоръ Писаревъ, который долженъ былъ подтянуть университетъ. При немъ полная свобода и распущенность, отличавшая прежде жизнь студентовъ, смѣнилась строгими порядками, почти военной дисциплиной и бдительнымъ надзоромъ начальства, которому поручалось сдѣлать студентовъ „истинными сынами Православной церкви, вѣрноподанными государю и отечеству“. Писаревъ особенно заботился о нравственности студентовъ, о „внушеніи имъ добрыхъ правилъ и навыковъ“, и предписывалъ инспектору „сдѣлать ихъ кроткими и покорными начальству“.

Вообще въ цѣляхъ искорененія свободомыслія и вредныхъ началъ, которыя, по мнѣнію правительства, отличали Университетъ, были приняты мѣры къ строгому урегулированію всей университетской жизни.

Смѣнившій въ 1830 г. Писарева новый попечитель, князь С. М. Голицынъ, считалъ мѣшающимъ процвѣтанію университетовъ дарованное имъ избирательное право, „займствованное нами изъ Германскихъ университетовъ, кои извѣстны не столько ученою славою, сколько вольнодумствомъ и своевольствомъ“.

Этихъ двухъ явленій, которыя, по мнѣнію кн. Голицына, отличали университеты Германіи, высшее правительство всего болѣе боялось и у насъ, видя ихъ даже иногда тамъ, гдѣ ихъ вовсе и не было. За Университетомъ зорко слѣдили въ Петербургѣ; самыя незначительныя происшествія, которыя, по своей маловажности, подлежали разрѣшенію мѣстнаго начальства, вызывали разслѣдованія, переписку съ министерствомъ и доходили до Государя.

Примѣромъ служить происшествіе, случившееся за нѣсколько дней до Маловской исторіи; оно встревожило всѣ Московскія власти и дошло до Государя. Это былъ одинъ изъ случаевъ, очень обыкновенныхъ въ закрытыхъ заведеніяхъ: казенно-коштные студенты, недовольные скверной пищею, егоровившись, не пошли обѣдать въ столовую. Но на это событіе взглянули иначе и придали ему исключительную важность. Князь Голицынъ заявлялъ, хотя и нашелъ жалобы студентовъ совершенно справедливыми, что онъ не допуститъ впредь подобныхъ „заговоровъ“ и исключитъ изъ Университета

всѣхъ зачинщиковъ. Извѣстіе о такомъ „заговорѣ“ дошло до Петербурга, но немного спустя кн. Голицынъ уже получилъ отъ Бенкендорфа секретное отношеніе, съ просьбой прислать подробныя свѣдѣнія о „происшествіи“, для доклада Государю. Ровно черезъ недѣлю послѣ этого происшествія, 16 Марта 1831 г., случилась „Маловская исторія“, которая Государю могла дать образецъ вреднаго направленія Московскаго Университета, воспитавшаго подобныхъ студентовъ, лишенныхъ „добрыхъ навыковъ и покорности начальству“. Легко себѣ представить; каково должно было бы быть взысканіе съ участниковъ этой исторіи; на нее могли взглянуть, какъ на бунтъ, и многихъ разжаловать въ рядовые, что являлось тогда довольно обычнымъ наказаніемъ для студентовъ за ихъ болѣе важныя проступки.

Но „Маловская исторія“ приняла необычный для того времени оборотъ: какъ мѣстное, такъ и высшее начальство на этотъ разъ не усмотрѣло въ немъ признаковъ заговора и своевольства, а пришло къ заключенію о необходимости немедленно удалить профессора, недостойнаго носить это званіе. Зачинщики исторіи понесли сравнительно легкое дисциплинарное наказаніе; оно ограничилось заключеніемъ въ карцеръ шести студентовъ на 4 дня. Князь С. М. Голицынъ представилъ въ министерство все дѣло оконченнымъ, но выразилъ опасеніе, что въ числѣ преподавателей Московскаго Университета найдутся и другія лица, столь же мало пользующіяся уваженіемъ студентовъ.

Маловъ же, вмѣсто того, чтобы сообщить о случившемся попечителю, поспѣшилъ сдѣлать доносъ жандармскому начальству, будто студенты произвели беспорядокъ, будучи недовольны его лекціею о благѣ монархизма между тѣмъ оказалось, что 16 Марта онъ читалъ вовсе не о монархизмѣ.

По дѣлу Малова между кн. Голицынымъ и министерствомъ возникла весьма интересная переписка, дающая возможность ознакомиться со взглядами высшаго начальства на это событіе. Въ объясненіяхъ кн. Голицына мы видимъ очень снисходительное отношеніе къ провинившимся студентамъ, проступокъ которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его донесенія какъ бы даже извиняется, находя себѣ оправданіе въ непристойномъ поведеніи профессора. Подобный же характеръ носитъ и отвѣтъ князю Голицыну министра народнаго просвѣщенія, кн. Ливена, раздѣлявшаго, повидимому, взгляды Московскаго попечителя.

Каковы же были послѣдствія „Маловской исторіи“?

Маловъ былъ немедленно удаленъ. Ему дали лишь возможность самому подать въ отставку, что онъ и исполнилъ, прося уволить себя по „чрезвычайно разстроенному“ здоровью. Увольненіе его было утверждено 26 Октября 1831 года.

Для Московскаго Университета „Маловская исторія“ не прошла безслѣдно. Министръ кн. Ливень, въ отвѣтъ на донесеніе попечителя 7 Апрѣля

1831 г., предписалъ совѣту Университета „озаботиться удаленіемъ и прочихъ недостойныхъ званія наставниковъ Университета“. Правда, Совѣтъ это распоряженіе оставилъ безъ исполненія, но здѣсь было важно само признаніе со стороны министра необходимости удаленія подобныхъ профессоровъ.

Надо думать, что „Маловская исторія“ была однимъ изъ поводовъ назначенной въ 1832 г. ревизіи Московскаго Университета. По высочайшему повелѣнію 14 Мая производство ревизіи было поручено вновь назначенному тогда товарищемъ министра С. С. Уварову.

Результаты ея по отношенію къ профессорской корпораціи оказались весьма плачевными и оправдали опасенія кн. Голицына, что въ Университетѣ найдутся и другіе профессора, подобные Малову. Уваровъ пришелъ къ заключенію, что изъ всѣхъ профессоровъ, составлявшихъ тогда Университетъ, лишь пять человекъ „стоятъ на степени желаемого образованія по своей наукѣ и владѣютъ способностью передавать свои познанія“. Къ этой категоріи принадлежали профессора: М. Т. Каченовскій, И. И. Давыдовъ, П. С. Щепкинъ, Д. М. Перовщиковъ и А. В. Болдыревъ.

Уварову пришлось убѣдиться „въ упадкѣ сего важнаго отечественнаго заведенія“, въ возстановленіи котораго чувствовалась тогда неотложная необходимость.

Во главѣ управленія Московскаго Университета стояли въ то время слѣдующія лица: попечителемъ округа князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, его помощникомъ графъ Александръ Никитичъ Панинъ, ректоромъ Университета проф. И. В. Двигубскій, инспекторомъ казенныхъ студентовъ и директоромъ медицинскаго института проф. П. С. Щепкинъ, а инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ проф. Ѳ. И. Чумаковъ.

*

Князь С. М. Голицынъ ректору Университета Двигубскому, 24 Марта 1831 г., № 293.

Получивъ свѣдѣніе, что студенты нравственно-политическаго отдѣленія, во время лекціи г. экстраординарнаго профессора Малова, произвели шумъ и тѣмъ хотѣли, повидимому, оскорбить сего профессора, я рѣшился столь дерзкій поступокъ не оставить безъ наказанія.

Посему предлагаю вашему высокородію зачинщиковъ въ семь происшествій: кн. Оболенскаго, Арапетова, Розенгейма, Орлова и Каменскаго *), посадить подъ арестъ на 4 дня, на хлѣбъ и воду; и если окажется еще болѣе виновныхъ, то подвергнуть ихъ такому же наказанію. Всѣмъ же прочимъ студентамъ Университета предлагаю вамъ, милостивый государь мой, объявить, что на сей первый случай подоб-

*) Къ нимъ былъ присоединенъ и А. Герцень.

ное нарушение порядка столь легко наказывается потому, что сей поступокъ приписываю я единственно ихъ вѣтренности и совершенному невѣдѣнію законовъ строгаго повелѣнія. На будущее время надѣюсь, что я не услышу болѣе о подобномъ происшествіи, пбо исключеніе изъ Московскаго Университета, съ опубликованіемъ по всѣмъ прочимъ университетамъ, будетъ легчайшимъ наказаніемъ зачинщика.

Князь С. М. Голицынъ министру народнаго просвѣщенія.

Копія.

Милостивый государь; князь Карлъ Андреевичъ!

На прошедшей недѣль, 16 текущаго мѣсяца, на лекціи экстраординарнаго профессора Малова, своекоштные студенты нравственно-политическаго отдѣленія произвели шумъ, хлопая въ ладоши, и тѣмъ принудили профессора удалиться изъ аудиторіи. За таковой поступокъ пять человекъ, оказавшихся зачинщиками, были, по приказанію моему, посажены подъ арестъ на хлѣбъ и воду на четверо сутокъ; всѣмъ же студентамъ Университета объявлено отъ меня, что подобное нарушеніе порядка на сей первый разъ приписывается ихъ вѣтренности; впредь же исключеніе изъ Московскаго Университета, съ опубликованіемъ по всѣмъ прочимъ университетамъ, будетъ легчайшимъ наказаніемъ зачинщику. Какъ о семъ происшествіи, вѣроятно, уже донесено въ Петербургъ, то я, на всякій случай, обязанностью почелъ увѣдомить объ ономъ вашу свѣтлость, съ показаніемъ истинныхъ причинъ оному. Извѣстно, что студенты на лекціи профессора образованнаго и отличныхъ умственныхъ способностей оказываютъ благоговѣнное вниманіе къ его преподаванію; любовь и уваженіе питаютъ къ нему даже и тѣ изъ студентовъ, кои, по лѣности, никакой пользы отъ него не приобрѣтаютъ; и, наоборотъ, профессоръ, коего недостатокъ образованія и способностей замѣтенъ хотя нѣкоторой части слушателей его, теряетъ всѣ права на уваженіе студентовъ. Къ сему послѣднему разряду понятій причисляю я г. Малова, который, зная холодность къ себѣ слушателей, весьма близкую къ неуваженію, старался мѣрами строгости усиливать вниманіе студентовъ къ своимъ лекціямъ; таковая строгость его доходила до несправедливости, и студенты 16-го числа показали ему высочайшую степень своего неуваженія, начавъ апплодировать ему при вступленіи его на кафедрѣ.

Изложивъ вашей свѣтлости сіе непріятное происшествіе, я не могу скрыть моего опасенія, что въ числѣ преподавателей Московскаго Университета найдется еще нѣсколько людей, подобныхъ г. Малову и столь же мало пользующихся уваженіемъ студентовъ, на что я за особенную обязанность поставлю себѣ обратить вниманіе вашей свѣтлости. Касательно же г. Малова нужнымъ считаю присовокупить, что, при объясненіи со мною о семъ происшествіи, онъ добровольно вызвался оставить Московскій Университетъ и подать въ отставку; а дабы студенты не могли заключить, что они нѣкоторымъ образомъ принудили его къ сему дѣйствию, я дозволилъ г. Малову исполнить сіе по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. № 437, Апрѣля 8 дня 1831 г.

Графъ Бенкендорфъ князю С. М. Голицыну.

Секретно.

Считая долгомъ препроводить къ вашему сіятельству полученную мною частнымъ образомъ записку о пѣкоторыхъ происшествіяхъ, недавно случившихся въ Московскомъ Университетѣ, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, одолжить меня сообщеніемъ подробнѣйшаго о семъ свѣдѣнія, для доклада Государю Императору. (Замѣтка на бумагѣ): «Поблагодарить». № 1725, 1 Апрѣля 1831.

Политическаго отдѣленія адъютантъ-профессоръ Маловъ на лекціи своей назвалъ одного студента свиньей. Такою дерзостью всѣ были до того недовольны, что начали свистѣть, шаркать ногами, шумѣть и потомъ, до окончанія еще лекціи, вышли изъ аудиторіи.

Таковой безпорядокъ, по замѣчанію одной почтенной особы, принадлежащей къ Московскому Университету, могъ произойти только на лекціи г. Малова, человѣка безъ всякихъ свѣдѣній и грубаго обращенія.

О т в ѣ т з.

Секретно.

По отношенію вашего высокопревосходительства отъ 1-го сего Апрѣля, за № 1725, о сообщеніи подробнѣйшаго свѣдѣнія о двухъ происшествіяхъ въ мѣсяцѣ Мартѣ мѣсяцѣ, въ Московскомъ Университетѣ случившихся, для доклада Государю Императору, честь имѣю препроводить при семъ къ вамъ, милостивый государь, особую записку, съ объясненіемъ, какъ сихъ происшествій, такъ и главной причины оныхъ. Если Его Величеству благоугодно будетъ утвердить представленное уже отъ меня предположеніе имѣть при Университетѣ вмѣсто ректора, избираемаго изъ профессоровъ, директора изъ постороннихъ чиновниковъ моего выбора, то я смѣло могу ручаться, что Университетъ Московскій въ скоромъ времени пріобрѣтетъ должную степень совершенства ¹⁾. При семъ случаѣ покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство принять искреннюю мою благодарность за обращеніе ваше ко мнѣ о пониманіи означенныхъ происшествій, и я надѣюсь, что и впредь въ подобныхъ случаяхъ вы, милостивый государь, не оставите относиться ко мнѣ за нужными свѣдѣніями о заведеніяхъ, мнѣ подвѣдомственныхъ.

№ 438. 11-го Апр. 1831 г. Москва.

Объясненія попечителя Московскаго Учебнаго Округа о двухъ происшествіяхъ ²⁾, въ прошломъ Мартѣ мѣсяцѣ въ Московскомъ университетѣ

¹⁾ Проектъ князя С. М. Голицына обсуждался въ Министерствѣ и въ Главномъ Правленіи училищъ, но не былъ принятъ.

²⁾ Другое происшествіе было выражено казенными студентами недовольство пищею (см. „Р. Архивъ“ 1900, I, 652).

случившихся. Происшествіе въ 16 день Марта случившееся на лекціи экс.-орд. профессора Малова побудило меня пригласить ректора университета, нѣкоторыхъ профессоровъ и самого Малова для сужденія объ ономъ, при чемъ оказалось, что студенты не оказываютъ должнаго вниманія на лекціи, какъ Малова, такъ и нѣсколькихъ другихъ профессоровъ, столь же мало уваженія заслуживающихъ, между тѣмъ, какъ профессоры, отличающіеся образованіемъ и умомъ, всегда оставались довольны вниманіемъ и почтеніемъ тѣхъ же студентовъ.

Сверхъ столь важнаго недостатка, Маловъ излишнею взыскательностью и неприличнымъ обращеніемъ вооружилъ противъ себя студентовъ. Когда послѣ случившагося я объявилъ Малову, что къ сему поступку вызвалъ онъ студентовъ какою-либо несправедливостью или грубостью, то онъ меня увѣрялъ, что ничего имъ не сдѣлалъ, что также подтвердилъ и ректоръ. Отъ нихъ истинной причины происшествія не могъ я узнать; однакоже объявилъ Малову, что онъ болѣе при Университетѣ оставаться не можетъ, и онъ согласился подать въ отставку, что исполнить по прошествіи 2 или 3 мѣсяцевъ, дабы не подать повода студентамъ думать, что они къ сему его принудили.

Частное же мое розысканіе показало, что передъ концомъ лекціи, нѣкоторые студенты, утомленные и наскучивъ чтеніемъ Малова, при какомъ-то бессмысленномъ его изреченіи, зашаркали. Тогда Маловъ, какъ человѣкъ строптивый, вѣроятно, неприлично обнаружилъ свое неудовольствіе, отъ чего студенты вдругъ всѣ зашикали и зашаркали ногами, чѣмъ и принудили Малова удалиться; по выходѣ же его всѣ захопали въ ладоши. За таковой поступокъ нѣсколько человѣкъ не уличенныхъ, но по крайней мѣрѣ подразумеваемыхъ зачинщикамъ, были по приказанію моему посажены подъ арестъ на хлѣбъ и воду на четверо сутокъ; прочимъ же всѣмъ объявлено, что подобное нарушеніе порядка на первый случай легко наказывается; впредь же зачинщики будутъ исключены вовсе изъ Университета съ опубликованіемъ по всѣмъ прочимъ.

Симъ все дѣло кончилось; Маловъ началъ опять читать лекціи и студенты съ должнымъ приличіемъ сидятъ у него въ классѣ*).

Князь К. А. Ливенъ князю С. М. Голицыну.

Милостивый государь, князь Сергій Михайловичъ!

Съ душевнымъ прискорбіемъ, изъ письма вашего сіятельства, узналъ я о случившемся на лекціи экс.-орд. проф. Малова безпорядкѣ, причиною коего отчасти оказывается самъ профессоръ, не имѣющій должныхъ познаній и нравственныхъ качествъ, чтобы умѣть вселить въ молодыхъ людяхъ къ себѣ уваженіе. Жалко видѣть въ числѣ профессоровъ человѣка недостойнаго, унижающаго сіе званіе, черезъ котораго все сословіе неизбежно терпѣть должно во мнѣніи публики; по

*) Это не совсѣмъ вѣрно; по крайней мѣрѣ во всѣхъ рапортахъ ректора о профессорскихъ манкировкахъ находимъ имя Малова. Костенецкій говоритъ, что студенты ждали его на лекціи, но онъ не явился.

первая причина такого зла происходитъ отъ самихъ профессоровъ, Совѣтъ Университета составляющихъ.

Поелику предполагается, что гг. профессора, люди образованнѣйшіе и слѣдовательно лучше другихъ могутъ судить о назначеніяхъ и способностяхъ лицъ, ищущихъ кафедръ университетскихъ, то правительство сдѣлало имъ великую довѣренность, предоставя право избирать профессоровъ на праздыя въ Университетъ кафедры; но подобный примѣръ убѣждаетъ въ печальной истинѣ, что гг. профессора, забывъ священный долгъ присяги и обязанности къ Государю и отечеству, поступаютъ противъ совѣсти, выбирая въ профессора или изъ личныхъ отношеній, или по другимъ какимъ причинамъ людей недостойныхъ, кои не приносятъ пользы, но еще дѣлаютъ стыдъ всему почтенному сословію профессоровъ. Я покорнѣйше прошу ваше сіятельство поставить сіе на видъ Совѣту Университета съ тѣмъ, чтобы оный озаботился удаленіемъ и прочихъ недостойныхъ званія наставниковъ Университета. 7-го Апрѣля 1831 г.

*

Совѣтъ Университета съ своей стороны не принялъ никакихъ мѣръ для исполненія предложенія министра. Онъ ограничился лишь изъясненіемъ своего прискорбія по поводу случившагося печальнаго событія и замѣчанія начальства. Правда, въ засѣданіи 17 Іюня, члены Совѣта, «желая всѣми силами способствовать намѣреніямъ высшаго начальства, клонящимся къ усовершенствованію и возвышенію Университета, разсуждали о вѣрнѣйшихъ средствахъ для предупрежденія безпорядковъ на лекціяхъ и для полученія точнѣйшихъ свѣдѣній объ исполненіи обязанностей каждаго преподавателя»; но изъ этихъ разсужденій дѣйствительныхъ результатовъ не послѣдовало.

Князь С. М. Голицынъ князю К. А. Ливену.

Экст.-орд. профессоръ Маловъ желаетъ оставить службу при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по разстроенному на оной здоровью, а болѣе по причинамъ уже извѣстнымъ вашей свѣтлости; но, опасаясь, что, прослужа безпорочно болѣе 20 лѣтъ, будетъ, можетъ быть, лишень пенсіи, заключающейся въ 800 р. годового его жалованья, просить ходатайства моего у вашей свѣтлости о доставленіи ему сего вознагражденія, по бѣдному его состоянію. Не желая отказать сему чиновнику въ семь единственномъ для него пособіи, я обращаюсь предварительно къ вашей свѣтлости и покорнѣйше прошу вашего, милостивый государь, разрѣшенія, можетъ ли онъ надѣяться ходатайства вашего на доставленіе ему сей монаршей милости. Въ такомъ уже благопріятномъ для него случаѣ, я войду съ моимъ официальнымъ представленіемъ о увольненіи его отъ занимаемой должности.

3 Августа 1831. Москва.

PS. Э.-орд. пр. Маловъ, кромѣ Университета, долгое время находился учителемъ исторіи и географіи при Московскомъ Училищѣ Благородныхъ дѣвицъ ордена св. Екатерины, подъ моимъ начальствомъ,

коимъ я всегда оставался довольнымъ, и онъ имѣлъ счастье удостоиться получить знаки благоволенія въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны.

О т в ѣ т з.

На почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 3 Августа, коимъ спрашиваете меня: можетъ ли экст.-орд. проф. Маловъ, желающій оставить службу при Московскомъ Университетѣ, надѣяться на получение пенсіи, заключающейся въ 800 р. годового его жалованія, имѣю честь отвѣтствовать, что г. Маловъ можетъ воспользоваться тою только пенсіей, какая ему слѣдуетъ по существующимъ постановленіямъ, обратитъ же ему въ пенсію годовое его жалованіе невозможно; ибо онъ еще не прослужилъ положеннаго для сего числа лѣтъ. Притомъ я долженъ былъ на сдѣланный мнѣ его императорскимъ величествомъ вопросъ довести до высочайшаго его величества свѣдѣнія о настоящей причинѣ случившагося на лекціи г. Малова безпорядка, какъ ваше сіятельство изволили меня извѣстить о томъ въ письмѣ вашемъ ко мнѣ. Посему г. Маловъ никакъ не можетъ далѣе оставаться въ Университетѣ и сдѣлаетъ благоразумно, подавъ просьбу объ увольненіи его, ибо въ противномъ случаѣ неминуемо исключенъ быть долженъ изъ Университета. Хотя же служба его по Московскому Училищу Благородныхъ дѣвицъ и заслуживаетъ одобреніе, но не можетъ дѣлать никакого отношенія къ настоящей его службѣ по Университету*).

11 Августа 1811.

*

Въ нѣкоторыхъ біографіяхъ М. Ю. Лермонтова сообщается, что онъ былъ уволенъ изъ Московскаго университета за участіе въ Маловской исторіи; но имя Лермонтова не встрѣчается въ бумагахъ, касающихся этой исторіи. Подобное извѣстіе врядъ ли достоверно, тѣмъ болѣе, что Лермонтовъ уволенъ изъ Университета не въ 1831, а въ 1832 году.

*) Изъ дѣлъ видно, что Маловъ уволенъ отъ должности 26 Октября 1831 года, съ пенсією въ 400 р. въ годъ.